

Глава 36. В тени зеленых ворот

А теперь вернемся к Су Цзытяню.

История о том, почему он внезапно отправился в «учебную поездку», заслуживает отдельного упоминания. А началось всё в его самый первый день в академии.

Академия Шигу, входящая в четверку величайших учебных заведений Юга, примостилась на небольшом островке у берегов Яньчэна, там, где река Юшуй несет свои воды. Со времен династии Тан её стены покидали будущие министры и прославленные полководцы, а к эпохе Мин Шигу и вовсе превратилась в элитный лицей для отпрысков благородных семей.

Экзамены здесь были суровыми, а в учителях ходили сплошь отставные сановники. Местные богачи и влиятельные кланы лезли из кожи вон, лишь бы пристроить сюда своих чад. В народе говорили: «Ступил на порог Шигу — считай, одной ногой уже в чиновниках». Проще говоря, процент поступивших в высшие эшелоны власти был запредельным — настоящий «национальный университет» древности.

В первый учебный день Су Цзытянь явился в класс в лазурно-белой форме, с массивным золотым оберегом-замком на шее. Стоило ему войти, как все мальчишки в аудитории заметно оживились.

Цзытянь их восторгов не разделил. Он вскинул голову и окинул презрительным взглядом сокурсников, которые в среднем были года на три старше него. В ответ он получил лишь шквал влюбленных взоров и едва скрываемое слюнотечение.

Едва прозвенел звонок с уроков, толпа юношей окружила его, наперебой пытаясь завязать разговор.

— Слушай, а ведь ты на самом деле девчонка, да? Начиталась «Лян Чжу» и пришла сюда в мужском платье? — не унимался один.

Су Цзытянь лишь закатил глаза. Не успел он и рта открыть, как вмешался другой:

— Да парень он! Смотрите, кадык есть, как у всех.

Вся орава тут же согнулась в три погибели, пристально изучая его шею.

Привыкший к подобному вниманию, Цзытянь собрал вещи и направился к выходу. Несколько парней увязались следом под предлогом, что им по пути, и болтовня возобновилась.

— Эй, Цзытянь, ты такой смазливый... Тебя раньше часто принимали за девицу?

Су Цзытянь усмехнулся, небрежно бросив:

— Бывало. Лет с семи учителя твердили, что я — переодетая девчонка. Пока в один прекрасный день я, разозлившись, не побрился налысо!

— Ого... — толпа выдохнула с благоговением.

— Наставник, небось, дар речи потерял?

— Ага. Но больше всех удивился парень, который целый год услужливо таскал мой портфель.

— И что потом?

— А потом он продолжил его таскать.

Шло время, и Су Цзытянь начал отлынивать от занятий. Классические сочинения «багувэнь» он терпеть не мог, а так как был самым младшим, то неизменно оказывался в тройке худших учеников по результатам экзаменов.

На этой почве он быстро спелся с четырьмя такими же бездельниками-гуляками.

В академии Шигу места за партами не были закреплены: рассаживали по успеваемости. Чем лучше оценки, тем ближе к учителю. Считалось, что это подстегивает конкуренцию и не дает отличникам попасть под дурное влияние. Но вышло так, что Су Цзытянь со своей бандой «лисиц и собак» оказались в самом дальнем углу класса, который больше напоминал разбойничье логово.

Как-то раз на уроке Су Цзытянь в очередной раз уткнулся в «запретное чтиво». Занятие вел замещающий учитель лет двадцати четырех — гладковыбритый, с мрачным лицом и не улыбаясь. Звали его Ду Сяньюнь. Несмотря на тяжелый нрав, он обладал блестящими знаниями: от астрономии до медицины. Поговаривали, что он — опальный ученый из столицы, лишенный звания доктора.

Ду Сяньюнь краем глаза заметил, что сидящий рядом с Цзытянем Панпан беззастенчиво спит.

— А ну, вставай! — прикрикнул учитель, вызывая его к доске.

Толстяк Панпан поднялся, хлопая заспанными глазами и не в силах вымолвить ни слова.

— Ну? Ты хоть знаешь ответ? — вздохнул наставник. — Если не знаешь, так хоть пискни!

— Писк! — послушно выдал Панпан.

Учитель помрачнел. Он перевел взгляд на Су Цзытяня.

— Ты отвечай. Что производят в Цзяннани?

Цзытянь бодро вскочил. Вопрос показался ему до смешного легким.

— В Цзяннани производят красавиц! — выпалил он, сияя от счастья.

— Что?! — Ду Сяньюнь едва не рухнул со стула.

Ученики в классе зажали рты, давясь от смеха. Учитель подошел к парте Цзытяня, не веря услышанному:

— Как в академию Шигу попал такой экземпляр? Впервые вижу подобное невежество!

Су Цзытянь промолчал, лишь обиженно опустив взгляд. Сделав глубокий вдох, Ду Сяньюнь строго произнес:

— Даю тебе еще один шанс. Проверим словесность. Вопросы будут простыми, учитывая твой возраст. Продолжи строчку: «И вешний ветерок жизнь возрождает снова...»

— «Коль корень не извлёк — сорняк взойдёт сурово!»

— «Цикад напев — лесная тишь глубока...»?

— «Собачий лай — и радость недалеко!»

— «Труды и тяготы куют величие страны!»?

— «А в дрёме сладкой — дух и силы спасены!»

Ду Сяньюнь схватился за сердце, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

— «Жизнь наша — берег, что зажат рекой...»

— «А смерть твоя — бездонный непокой!»

— Еще вопросы будут, наставник?

— Последний... — прошелестел Ду Сяньюнь, ощущая головокружение. — «Как чистый лотос из воды встает...»?

Цзытянь задумался на секунду, а затем неуверенно выдал:

— «Так в смутный век герой на бой идет»?

Наставник не ответил.

— Не так? Тогда... «Так из глубин морских дракон в полет идет!»

— Пфу-у-у! — Ду Сяньюнь только и успел выдохнуть, прежде чем обмякнуть.

— А-а-а! Господин Ду! Учитель!

— Скорее зовите лекаря! Наставник Ду в обмороке!

В классе воцарился хаос.

После этого случая Ду Сяньюнь едва не слег с ударом, но, к счастью, обошлось. Спустя пару дней он вернулся к занятиям, решив впредь просто игнорировать несносного мальчишку. Но Цзытянь, которого отличники еще долго дразнили за этот конфуз, затаил злобу и решил во что бы то ни стало довести учителя до белого каления.

В одно солнечное утро, когда Ду Сяньюнь с упоением читал лекцию, Панпан вдруг скорчился от боли, обхватив живот руками. Учитель не обратил внимания, продолжая вещать. Дойдя до середины аудитории, он развернулся к классу спиной.

В этот миг Панпан издал подозрительный звук, похожий на рвотный позыв:

— Ох-х... У-у-уа-а!

Су Цзытянь, сидевший рядом, молниеносным движением выплеснул на парту друга заранее приготовленную кашу из восьми злаков.

Когда Ду Сяньюнь обернулся, он увидел парту, залитую чем-то желто-белым и вязким. В ту же

секунду Цзытянь достал ложку и принялся невозмутимо уплетать «содержимое», смачно пережевывая и приговаривая:

— Гляди, Панпан, ты на завтрак ел арахис!

Ду Сяньюня передернуло.

— О-о-о... У-у-уа-а! — На сей раз он сам издал эти звуки.

С того дня он стал избегать Су Цзытяня как зачумленного.

В учебном зале академии Шигу висели редкие западные часы. Говорили, что император Чжу Ди получил четыре таких в дар от европейских послов и распределил их между главными книжными обителями, дабы напоминать ученикам: «Дюйм времени — дюйм золота. Жизнь коротка, грызи гранит науки».

Но механизм был старым и капризным. Стоило корпусу испытать малейшую встряску, как стрелки ускорялись. Один удар — и время прыгало на пять минут вперед.

Су Цзытянь ненавидел уроки Ду Сяньюня, а потому повадился пулять в часы мелкими камешками, которые подбирал по дороге в школу. Наставник вскоре разгадал эту хитрость, но не проронил ни слова, продолжая заканчивать занятия строго «по часам».

Вскоре наступила пора экзаменов. Пока все корпели над свитками, Ду Сяньюнь, поигрывая дисциплинарной линейкой, встал рядом с партой Цзытяня и принялся сам аккуратно постукивать по часам. В итоге за два дня результаты контрольных Су Цзытяня стали совсем уж плачевными. На третий день его терпение лопнуло. Явившись в академию на рассвете, он принялся лихорадочно строчить шпаргалки прямо на крышке парты.

Когда начался экзамен, Цзытянь встретил вошедшего учителя уверенной улыбкой. Но первая же фраза Ду Сяньюня разбила все его надежды:

— Сегодня мы меняемся местами. Живо!

«(□□□□)» — только и смог подумать Цзытянь.

В итоге он снова застрял на вопросах, распластавшись на столе, точно больная кошка. Ду Сяньюнь, проходя мимо во время обхода, негромко обронил:

— Если бы ты учился с тем же рвением, с каким сегодня утром писал шпаргалки, тебе не пришлось бы сейчас страдать.

—!!!

Этим же вечером Су Цзытянь дождался, пока все уйдут, и, вооружившись огнем, решил подготовить парту к завтрашнему дню. Однако, присмотревшись, он обнаружил, что вся поверхность уже исписана мелким почерком — какими-то стихами и песнями.

Разозлившись, он нацарапал поверх: «Браток, оставь хоть клочок места для шпор, а?»

На следующее утро — снова экзамен. На первую часть Ду Сяньюнь не пришел, места менять не стали. Цзытянь со своего места с ненавистью наблюдал, как лучший ученик класса, сев за его «подготовленную» парту, в два счета исписал свиток и завалился спать.

На вторую часть явился Ду Сяньюнь и снова всех пересадил. На сей раз Цзытяню повезло — он оказался за нужным столом. Едва сев, он принялся искать ответы среди каракулей, но наткнулся лишь на две короткие приписки.

А: «Прости, дружище, это единственное место, где я могу публиковать свое творчество...»

Б: «Черт бы вас всех побрал! Терпеть не могу такие шуточки. Стоит мне проснуться, как всё лицо либо в ответах, либо в песнях!»

Делать было нечего. Цзытянь взял лист, решив написать хоть что-то. Пробежав глазами по вопросам, он понял, что не знает ровным счетом ничего. Его взгляд зацепился за задание: дополнить стихотворную строку «Спроси, сколь глубока печаль твоя?».

На него снизошло вдохновение. Он приписал: «Как жирный «неуд» в красных завитках!»

Проверяя работы, Ду Сяньюнь без тени сомнения перечеркнул его ответ огромным жирным крестом.

Получив свиток назад, Цзытянь самодовольно прошептал Панпану:

— Гляди-ка, а ведь я пророк! Как в воду глядел.

Обернувшись, он увидел наставника, который с мрачным видом стоял прямо за его плечом. Су Цзытянь, никогда его не боявшийся, лишь дерзко вскинул бровь и закатил глаза.

— Завтра жду в академии твоих родителей! — отрезал Ду Сяньюнь. — Без огранки яшма не

станет вазой.

— С чужою жёнкой — не робей ни разу! — в рифму выдал Цзытянь.

— Ты!.. — Учитель задохнулся от ярости и тут же вознамерился исключить наглеца.

Как раз в этот момент Юй Чуцю зашел забрать Цзытяня после службы и услышал, как наставник распекает его подопечного. Юй Чуцю пришлось пустить в ход всё своё красноречие, чтобы уговорить Ду Сяньюня не выгонять мальчишку, а взять его на индивидуальное обучение.

По счастливому совпадению, в ближайшие дни у Ду Сяньюня не было уроков, и он забрал крайне недовольного Су Цзытяня к себе домой на «спецподготовку». Официально это назвали «учебной поездкой».

Уже на второй день Цзытянь, не выдержав нагрузки, сбежал. Немного послонявшись по улицам, он проголодался и заскочил в ближайший трактир. В зале как раз выступала певица.

Су Цзытянь, вгрызаясь в куриное крылышко, что-то нашептал слуге и вложил ему в руку монету. Тот кивнул и направился к исполнительнице. Цзытянь довольно хихикнул, но тут тень легла на его стол.

—... — Крылышко со стуком выпало из рук прямо на скатерть.

Ду Сяньюнь не проронил ни слова. Изячно поправив полы одеяния, он сел на соседний стул. Едва он опустился, как певица в центре зала прочистила горло и объявила:

— Наш гость, ученик академии Шигу Су Цзытянь, посвящает следующую песню своему глубокоуважаемому учителю, господину Ду Сяньюню. Он благодарит наставника за бесчисленные упражнения, которыми тот осыпал его в этот месяц (и особенно в последние два дня), и за бесценную возможность стать лучше...

Ду Сяньюнь замер. Он впервые за всё время едва заметно улыбнулся.

А девушка продолжала:

—... Итак, слушаем! Песня «У тебя не будет доброго конца»!